

ХУСЕЙИН ДУРГУТ

Балькесирский университет, Турция

О некоторых особенностях турецкой версии *Мирадж-наме* в китабе Ивана Луцкевича

Тема статьи — некоторые непонятные слова в турецком тексте *Мирадж-наме* китаба Ивана Луцкевича. Анализ предваряет краткий обзор причин постепенной утраты литовскими татарами своего родного языка и периода, когда литовские татары начали говорить на языках соседних народов. Стремление к сохранению и воспроизводству важных в конфессиональном отношении текстов привело к созданию в ВКЛ китабов. В шести из них обнаружены турецкие тексты *Мирадж-наме* — сюжета, занимающего важное место в турецкой литературе. В статье анализируются отдельные слова из текста *Мирадж-наме* китаба Ивана Луцкевича, который ближе всего к тексту *Мирадж-наме* на старотурецком языке, хранящемуся в рукописи библиотеки Стамбульского университета. Сравнение проблемных лексем китаба Луцкевича с эквивалентами стамбульского памятника наглядно демонстрирует степень разрушения знания турецкого языка переписчиками — литовскими татарами.

Ключевые слова: литовские татары, китабистика, Великое княжество Литовское, Иван Луцкевич, *Мирадж-наме*, старотурецкий язык.

Введение

Нам неизвестна точная дата, когда на земли Польши и Литвы прибыли татары. Большинство исследователей сходятся во мнении, что поселения татар на землях Литвы и Польши наблюдаются с XIV в. [Orhonlu 1971, 57–58; Arık 2008, 157–158]. Миграция татар, вызванная междоусобицей в Золотой орде, началась в XIV в. Первые татары поселились на территории Литвы по указу Великого князя Литовского Витовта. Переселение татар продолжалось в последующие столетия. В письменных источниках XV–XVIII вв. татар называли по-разному: *тата-рами Великого княжества Литовского*, *Радзивилловскими татарами*, *татарами-казаками*, *липками*. В XIX в. в качестве этнонима проживающих в этом регионе татар стали использовать выражение *литовские*

татары [Mişkiniene 2015, 51]. В современной литературе используются такие наименования, как *литовские татары*, *польские татары*, *белорусские татары* и *татары Беларуси, Польши и Литвы*, так как татары, поселившиеся некогда на землях ВКЛ, в настоящее время проживают на территории этих трех государств. Наименование *литовские татары*, используемое в данной статье, относится также к татарам, проживающим сегодня и за пределами Литвы — в Беларуси и Польше.

С XVI–XVII вв. литовские татары по разным причинам стали постепенно утрачивать родной язык. Этому способствовали такие факторы, как малочисленность татарского населения, удаленность от исторической родины, различия в социальном статусе в среде самих татар, браки с нетатарскими женщинами, отсутствие общего языка вероисповедания и т. п. Поселившиеся в ВКЛ татары не были однородной группой. Большинство татар, прибывших в XIV в., были холостыми воинами, и им разрешалось брать в жены христианок при условии, что жены не будут насильно обращаться в их веру [Orhonlu 1971, 60]. По нашему мнению, это была главная причина, по которой татары начали терять свой родной язык: дети, родившиеся в таких семьях, учились говорить на “материнском” языке, а поскольку родным языком матерей был литовский, польский или белорусский, то связь с татарским языком отцов, скорее всего, постепенно ослабевала, в него проникали слова и конструкции из других языков. Позже татары переселялись в ВКЛ семьями, а некоторые татары привозили жен-мусульманок из крымских или османских земель. Несомненно, в семьях с женами-татарками или мусульманками утрата языка проходила медленнее. Несмотря на это, утрата языка продолжалась, так как татарский не был языком общения на территории Литвы и Польши. Процесс постепенного забвения родного языка продолжался в течение нескольких столетий.

Однако татарские общины, проживавшие на территории Литвы или Польши, не утратили своей татарской идентичности и религии. Из крымских и османских земель они приглашали исламских богословов, чтобы те помогали передавать религиозные знания и правила ислама новым поколениям [Orhonlu 1971, 61]. Благодаря исламу в язык литовских татар, уже содержавший заимствования из ближайшего окружения, вошли некоторые арабские, персидские и османские религиозные термины. Так сформировался особый диалект татарского языка. Можно с большой долей уверенности утверждать, что в нем использовались многие польские, литовские, белорусские, а также арабские и персидские слова. К сожалению, письменные памятники литовских татар XIV–XVI вв. до нас не дошли. Влияние этого особого татарского диалекта становится за-

метными в рукописях литовских татар лишь с XVIII в. Однако сведения о нем есть в османских источниках XVII в.: в известном произведении османского путешественника этого времени Эвлии Челеби “Сейхатнаме” упоминается, что “язык липок похож на польский” [Çelebi 1897, 146]. Несколько позже о своеобразной ситуации с татарским языком на землях ВКЛ писал османский географ XVIII в. Ибрагим Хамди из Бартина, долгое время служивший в Хотинской крепости, находившейся тогда на османской территории. Здесь он познакомился с липками, проживавшими тогда в окрестностях Хотина, и выучил их язык. В своем произведении “Атлас” он писал о липках: “Они читают Коран и пишут как мусульмане (используя арабскую графику), но разговаривают и пишут по-польски, так как не знают турецкого” [Orhonlu 1971, 62]. Судя по этим данным, можно утверждать, что место татарского как родного языка литовских татар, вероятно, в XVI–XVII вв. занял диалект, смешанный с литовским и славянскими языками, с примесью арабских, персидских и турецких слов. Этот диалект постепенно утратился, уступив место языкам, на которых в XVIII в. говорили в данном регионе. Однако татары сохранили мусульманскую идентичность и до XX в. использовали арабскую графику, особенно при записи текстов на религиозные темы.

Рукописи литовских татар и *Мирадж-наме*

Утратившие родной язык литовские татары для удовлетворения профессиональных потребностей нуждались в переводе произведений исламского содержания. Переводы комментариев Корана, молитвенников и прочих религиозных книг вначале на белорусский, а позже — на польский языки сформировали рукописную традицию литовских татар [Miškiniene 2011, 227]. Интересно, что переводы на славянские языки записывались также с помощью арабского письма.

Рукописи литовских татар можно отнести к четырем группам: *китабы*, *тефсиры*, *хамаилы* и *теджвиты*. Особый интерес для изучения тюркских языков представляют *китабы* и *хамаилы*, так как в них встречаются молитвы, наставления и истории религиозного содержания на турецком языке, записанные арабской графикой, причем наиболее привлекательны для исследователя *китабы*, в которых встречаются описание основ ислама и религиозных ритуалов, рассказы о жизни пророка Мухаммеда, другие повествования на религиозную тему.

В настоящее время обнаружена 181 рукопись литовских татар, 27 из которых относится к китабам [Miškiniene 2011, 227]. В десяти китабах обнаружен один из религиозных текстов, называемый *Мирадж-наме*, причем в пяти из них текст написан на турецком языке с подстрочным

переводом на славянские языки. В пяти других представлен только славянский перевод.

Турецкий текст *Мирадж-наме* обнаружен в следующих рукописях [Мишкинене, Намавичюте, Покровская 2005, 34–70; Akiner 2009, 81; Mişkinienė 2011, 228]:

- китаб Ивана Луцкевича (начало XVIII в.);
- “Лондонский китаб” (середина XIX в.);
- китаб Ибрагима Хасеневича (первая половина XIX в.);
- китаб Абраама Корицкого (середина XIX в.);
- китаб Абраама Хасеневича (вторая половина XIX в.).

Текст *Мирадж-наме* в составе китаба И. Луцкевича — наиболее ранний и наиболее близкий к текстам *Мирадж-наме* на старотурецком языке. *Мирадж-наме* в китабе А. Корицкого ближе к аналогичному тексту в китабе И. Луцкевича, тогда как *Мирадж-наме* китаба А. Хасеневича ближе к тексту в китабе И. Хасеневича. *Мирадж-наме* в “Лондонском китабе” отличается от всех остальных вариантов.

***Мирадж-наме* в турецкой литературе**

Слово арабского происхождения *мирадж* имеет в языке-источнике значение ‘лестница’ и ‘вознесение на небо’. В турецком языке первое значение (‘лестница’) не получило распространения, но как термин со значением ‘вознесение на небо’ оно используется, когда говорится о чуде вознесения пророка Мухаммеда на небеса: по исламским представлениям, пророк Мухаммед за одну ночь совершил путешествие из Мекки в Иерусалим, оттуда на небо, в мир ангелов и на уровень Аллаха, встретился с душами предыдущих пророков, увидел рай, ад и ангелов и в ту же ночь вернулся в Мекку [TDEA 1986, 372].

После принятия турками ислама тема вознесения пророка на небо получила широкое распространение. Она представлена во многих произведениях турецкой литературы: в произведениях как авторов классической литературы: так и в турецком устном народном творчестве. Спектр произведений широк — от стихотворений, где тема вознесения только упоминается или описывается вкратце, до самостоятельных произведений, посвященных исключительно этой теме. Короткие стихотворения, повествующие о вознесении пророка Мухаммеда на небо, называются *мираджийе*, а стихотворения, содержащие детальное повествование — *Мирадж-наме*. *Мираджийе* появляется в *диванах* некоторых поэтов, а также в составе произведений: *сирет* (жития святых), *мевлюд* (повествующие о рождении Мухаммеда), *хилье* (воспевающие духовное совершенство пророка), стихотворных *месневи* и *муджизат-наме* (книги о чудесах).

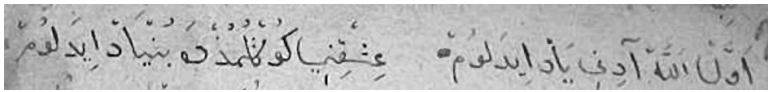
Мирадж-наме представляет собой произведение стихотворного или прозаического характера, в котором вознесение на небо описывается детально [Akar 1987, 7–61]. Особенно много произведений на эту тему было создано с XIV по XX вв. в Анатолии. Это в основном авторские произведения: либо *мираджийе* в сборниках стихотворений на разные темы, либо *Мирадж-наме*, специально посвященные данному сюжету.

Неизвестно, когда именно в Анатолии было написано первое произведение *Мирадж-наме* на старотурецком языке. Метин Акар, исчерпывающе изучивший произведения *Мирадж-наме* в турецкой литературе, утверждает, что, если судить по особенностям языка и орфографии, то первым текстом с таким названием, вероятнее всего, был тот, что хранится ныне в Стамбуле, в отделе Лалели библиотеки Сулеймание под номером 3756. М. Акар высказывает предположение, что недатированный текст *Мирадж-наме* можно датировать XIV в. Еще один текст легенды, изученный М. Акаром, хранится в библиотеке музея Топкапы (сигнатура К. 989). Особенности языка и орфографии, обнаруженные в ходе этой работы, показывают, что произведение, скорее всего, относится к XIV или XV в. [Akar 1987, 155–160]. Помимо этих двух текстов *Мирадж-наме*, еще два стихотворных произведения такого типа, изученные Мусой Думаном [Duman 1997, 169–238] и Хаяти Девели [Develi 1998, 81–229], хранящиеся в Библиотеке семинаров кафедры турецкого языка и литературы филологического факультета Стамбульского университета под № 4038 и № 4039, относятся к периоду старотурецкого языка. Несмотря на то, что нам неизвестна точная дата написания этих двух текстов, по особенностям языка и орфографии можно утверждать, что они являются наиболее ранними из написанных в Анатолии. Тексту *Мирадж-наме* из китаба Ивана Луцкевича (ИЛ) по содержанию, структуре текста и языковым особенностям в наибольшей степени соответствует текст *Мирадж-наме* (СУ), хранящийся в библиотеке Стамбульского университета под номерами 4038 и 4039. Поэтому мы предприняли попытку сравнить эти тексты *Мирадж-наме*, исходя из того, что текст СУ написан на более правильном старотурецком языке, чем текст ИЛ. Сравнение написания слов, как мы предполагаем, позволит установить характер изменений (ошибок) в тексте ИЛ и значения “темных” мест в нем.

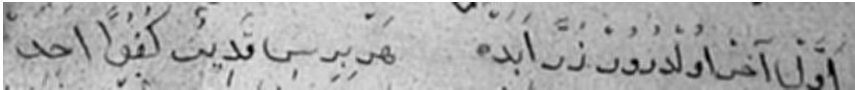
***Мирадж-наме* китаба Ивана Луцкевича и *Мирадж-наме* Стамбульского университета**

Китаб Ивана Луцкевича хранится в библиотеке Литовской АН (F 21-814) [Мишкинене, Намавичюте, Покровская 2005, 39]. Интересующий нас текст *Мирадж-наме* находится на страницах 107b–135a. Его состав-

ляют 494 двустишия, заключительная часть отсутствует. *Мирадж-наме* в рукописи начинается с двустишия [Мишкинене 2009, 478–592]:

1 evvel allâh adını yâd idelüm / 'ışkıını göñlümüzde bünyâd idelüm
(Сперва произнесем имя Аллаха / Укрепим любовь к нему в своих сердцах)

2 evvel âhîr ol durur zerre ebed / her birîşi qâdirun küfven ehad
(Он был вначале и будет вечно / Он единственный всемогущий,
неповторимый и единый)

Текст *Мирадж-наме* Стамбульского университета, представленный в рукописях № 4038 и № 4039, содержит 494 двустишия. Двустишия 1–119 содержатся в рукописи № 4038, двустишия 120–494 — в рукописи № 4039 [Develi 1998, 82]. Текст начинается следующим образом [Develi 1998, 206–229]:

أَوَّلَ اللَّهِ أَدِينِي مَا دَادَهُ لَوْمٌ   عِشْقِي كَوَّلَمْدَه بِنْيَادِ اِدْلَوْمٌ

1 evvel allâh adını yâd idelüm / 'ışkıını göñülde bünyâd idelüm
(Сперва произнесем имя Аллаха / Укрепим любовь к нему в своих сердцах)

أَوَّلَ أَهْرَآؤُلْدُرُزِيرَه اِبْدٌ   هَرْ بَرَايْشَه قَادِرُ وَكُنُوَالْحَدُّ

2 evvel âhîr ol durur zîre ebed / her bir işe qâdir ü küfven ahad
(Он был вначале и будет вечно / Он единственный всемогущий,
неповторимый и единый)

Оба текста *Мирадж-наме* начинаются с хвалы Аллаху. Затем следует зачин повествования о вознесении пророка Мухаммеда на небо с опорой на ривайет Ибн Аббаса.

Мирадж-наме ИЛ:

9 şerh idelüm me'râcın muşafânuñ / eşidiçek şâd ola külli cânım
(Расскажем о вознесении пророка Мухаммеда на небо / Дабы моя душа
была счастлива, выслушав)

10 rivāyet kıılır ‘abbās ođlı bu sözi / ħaber virür nebī aña kendüzi
(Рассказывает сын Аббаса / Ему поведал сам пророк)

Мирадж-наме СУ:

8 şerĥ idelüm mi‘râcın muştafânuñ / işidicek şād ola ‘akluñ cānuñ
(Расскажем о вознесении пророка Мухаммеда на небо / Дабы твоя душа и ум были счастливы, выслушав)

9 rivāyet kıılar ‘abbās ođlı bu sözi / ħaber virür nebī aña gendözi
(Рассказывает сын Аббаса / Ему поведал сам пророк).

Далее идет повествование о встрече пророка Мухаммеда с архангелом Гавриилом и о том, как архангел Гавриил возвестил о чуде:

Мирадж-наме ИЛ:

32 bu geçe ne gecedür degil baña / cebrā’il eydür muştalık olsun saña
(Поведай мне, что это за ночь / Гавриил провозглашает: да будут тебе чудеса)

33 me‘râcınıñ geçesidür yâ muştafâ / ğuşşa yeme gönülün dutğil şafâ
(Этой ночью вознесешься на небо, о Мустафа / не печалься, а радуйся)

Мирадж-наме СУ:

31 bu gece ne gicedür digil baña / cebrā’il eydür muştalık olsun saña

32 mi‘râcınıñ gicesidür i muştafâ / қауғу virme gönlüñe dutğil şafâ

Дается описание *Бурака*, который помог пророку Мухаммеду совершить это путешествие:

Мирадж-наме ИЛ:

56 dutmış-idi sağ elinde bir burāk / қарні şarı boynu yeşil gögsi aқ
(Правой рукой держался за Бурака / Живот Бурака был желтый, шея — зеленая, грудь — белая)

57 dudağı la’l ü gümüşden eñegi / ol irdi қамурākлар begi
(Его губы были из граната, а челюсть — из серебра/ он был повелителем всех Бураков)

58 dişi mercân dili ‘anber ‘üt / saçı lü’lü’ қулаğı дүрри yāқūt
(Его зубы — из коралла, язык из амбры и мускуса / а волосы как жемчужины, уши как рубины)

Мирадж-наме СУ:

55 dutmış-idi sağ elinde bir burāk / қарні şару boynu yeşil gögsi aқ

56 dudağı la’l ü gümüşten eñegi / oldı cümle burākларuñ begi

57 dişi mercân nefesi ‘anber i ‘öd / saçı lülü’ қулаğı қızıl yāқūt.

Как видно из сравнения двустихий, два варианта *Мирадж-наме* (СУ и ИЛ) весьма схожи. Несмотря на различия в некоторых строках, можно заметить много сходства в отношении языковых особенностей и используемых мотивов и описаний: поочередно упоминаются семь уровней рая и вещества, из которых они сотворены, детально описывается встреча Мухаммеда с Аллахом, много внимания уделено описаниям рая, ада, гурий, ангелов, дерева *туба*, реки *сельсебиль* и прочих творений. В последней части *Мирадж-наме* СУ повествуется о том, как пророк Мухаммед вернулся в Мекку и рассказал о произошедшем четырем халифам. В *Мирадж-наме* ИЛ эта часть отсутствует. По нашим предположениям, страница китаба Ивана Луцкевича, на которой она была записана, оторвалась и была утеряна.

В рукописном памятнике литовских татар середины XIX в. — китабе А. Корицкого, похожем по содержанию на китаб Ивана Луцкевича, также содержится текст *Мирадж-наме*. Кроме нескольких отличий в написании некоторых слов, текст *Мирадж-наме* китаба А. Корицкого почти полностью соответствует тексту *Мирадж-наме* китаба И. Луцкевича [Miškinienė 2011, 229]. Поэтому можно предположить, что утерянная часть текста *Мирадж-наме* китаба И. Луцкевича также должна была совпадать с сохранившейся заключительной частью *Мирадж-наме* китаба А. Корицкого. В этой части повествуется о возвращении пророка Мухаммеда в Мекку, говорится о его рассказе четырем халифам и об их подтверждении этого рассказа, а также упоминается, что автором *Мирадж-наме* является Хаджи Махмуд. В тексте *Мирадж-наме* СУ автор произведения не упоминается.

Некоторые проблемные слова в *Мирадж-наме* китаба И. Луцкевича

Изучая турецкий текст *Мирадж-наме* китаба И. Луцкевича, мы сталкиваемся с проблемами в области написания и значения некоторых слов. Возможно, что некоторые ошибки были совершены по невнимательности, а другие — из-за того, что турецкие слова были неправильно поняты. Далее рассматриваются некоторые “проблемные” слова из *Мирадж-наме* ИЛ и их правильные формы, представленные в тексте *Мирадж-наме* СУ.

- 1) **mekā'il** < **melā'ik**: *melā'ik* — форма множественного числа слова арабского происхождения *melek* (‘ангел’). Правильное написание слова арабского происхождения *mekā'il* — форма *tikā'il*. Слово имеет значение: ‘ангел, по велению Господа распределяющий людям их долю, а также ответственный за погодные явления’. По мусульман-

ским представлениям, *Mikā'il* — имя одного из четырех архангелов [Devellioğlu 2012, 752]. В *Мирадж-наме* ИЛ слово *melā'ik* часто записывается как *mekā'il* для обозначения формы единственного числа — *melek*:

ИЛ-148: anda gördüm bir **mekā'il** oturur / yedi yüz biñ ferişte karşı durur
 СУ-147: anda gördüm bir **melā'yik** oturur / yedi yüz biñ ferişte karşı durur
 (Видел я сидящего там ангела / напротив семи ста тысяч ангелов);

ИЛ-156: anda gördüm bir **mekā'il** yavlaq 'aceb / kudretinden yaradmiş anı çalap
 СУ-155: anda gördüm bir melek yavlaq 'aceb / kudretinden yaradmiş anı çalap
 (Видел я ангела необычайного / Господь сотворил его из своей мощи).

В *Мирадж-наме* ИЛ есть еще несколько двустиший, в которых форма *mekā'il* используется вместо *melek* или *melā'ik* (351, 352, 363). Особо показательным примером проблемности этого слова служит 363-е двустишие:

şağında terāzū şolında kıl / ol **mekā'ilūñ** adıdur mekā'il (ИЛ-363).

Автор *Мирадж-наме* хотел представить одного из четырех архангелов по имени *mikā'il*. Но вместо “o melā'ikin adı Mekā'ildir” он написал “o Mekā'ilin adı Mekā'ildir”. В *Мирадж-наме* СУ это двустишие выглядит следующим образом:

şağ elinde terāzū şolında kıl / ol **feriştenūñ** adıdur mikā'il (СУ-355)
 (В правой руке весы, в левой — мерная чаша / и имя этому ангелу — Михаил).

В этом двустишии используется слово персидского происхождения *ferişte* — синоним слова *melek* / *melā'ik*.

2) **āyān** < **oyan**: Слово *āyān*, встречающееся в 62-ом двустишии *Мирадж-наме* ИЛ при описании Бурака, не имеет значения в турецком языке:

çulı dibāc-idi **āyānı** nūr / şalavāt viren yarın ana binür (ИЛ-62).

В тождественном фрагменте *Мирадж-наме* СУ слово написано в форме *oyan*, что по-турецки означает ‘уздечка’. Это значение органично в двустишии:

çulı dibāc eyer **oyan** cümle nūr / şalavāt viren yarın aña binür (СУ-61)
 (Его одеяние из драгоценной ткани, а седло и уздечка — лучезарные / молящийся завтра его оседлает).

3) **mükerreb** < **merkeb**: Слово *mükerreb* из в 77-ого двустишия *Мирадж-наме* ИЛ также бессмысленно. В разговоре Бурак представляется Гавриилу следующим образом:

anda dağı **mükerreb** hem ben olam / rekābenden ebedü'l-ebed қalam (ИЛ-77).

Слово *mükerreb* в данном контексте должно значить ‘верховое творение’. В арабском языке это значение имеет слово *merkeb*, оно используется в *Мирадж-наме СУ*:

anda daḥı **merkebi** hem ben olam / rikâbında ebedü'l-ebed kılam (СУ-76)
(А для верховой езды послужу я/ останусь с ним на веки вечные).

- 4) **çağırurlar < çıkarurlar**: 152-ое двестишие *Мирадж-наме* ИЛ содержит турецкое слово *çağırurlar*, которое не подходит по смыслу:

çağırurlar anı ol ferîşteye / kıyâmete degin anı ol tâ gizleye (ИЛ-152).

Турецкий глагол *çağır-* значит ‘приглашать’, тогда как здесь правомерно было бы ожидать глагол *çıkār-* ‘поднимать/возносить’, который обнаруживается в *Мирадж-наме СУ*:

çıkārur anı ol ferîştelere / kıyâmetde degin anı gizleye (СУ-152)
(Возносит их к тем ангелам / дабы хранили до Судного дня).

- 5) **yalan < yılan**: В 281-ом двестишии *Мирадж-наме* ИЛ вместо слова *yalan* ‘ложь’ должно использоваться слово *yılan* ‘змея’:

kulağlarından yine **yalan** çıyan / girür çıkar şöyle âşkâre ‘ıyân (ИЛ-281).

В *Мирадж-наме СУ* это слово записано в правильной форме:

kulağlarından yine **yılan** çayan / girür çıkar şöyle âşkâre ‘ayân’ (СУ-273)
(Из их ушей змеи и многоножки / попросту выползают).

- 6) **zeberrec < zeberced**: Встречающееся в 300-ом, 335-ом и 467-ом двестишии *Мирадж-наме* ИЛ слово *zeberrec* бессмысленно:

yene gördüm bir kübbe **zeberrecden** / çalab anı yaratmış küdretinden (ИЛ-300)
zeberrecdendir altundan münberi / vir şalavât şâdi kıl peygamberi (ИЛ-335)
her bir sarây içinde bir taht yine / **zeberrecden** komışlardur şâhâne (ИЛ-467).

В этих двестишиях, описывающих форму и цвет какого-либо объекта, должно использоваться слово арабского происхождения *zeberced* ‘зеленый драгоценный камень, светлее изумруда’ [Devellioğlu 2012, 1368], которое мы и находим в *Мирадж-наме СУ*:

yine gördüm bir kapı **zebercedden** / çalab anı hös yaratmış küdretten (СУ-291)
(И вновь увидел изумрудные врата / прекрасно сотворенные мощью Господа);

zebercedür altında minberi / vir şalavât şâdi kıl peygamberi (СУ-327)
(Трон, на котором он сидит, изумрудный / Помолись и порадууй пророка);

her bir sarây içinde bir taht yine / **zebercedden** komışlardur şâhâne (СУ-459)
(В каждом дворце — по трону / прекрасному и изумрудному).

7) **karmıŝa < karŝıma**: В 412-ом двустииши *Мирадж-наме* ИЛ слово *karŝıma* (форма слова *karŝı* ‘вперед; напротив’ в дательном падеже с притяжательным аффиксом — *karŝı+m+a*) записано с ошибкой: *karmıŝa*. В этом же двустииши в ИЛ встречается также слово *dirādi*, которое не имеет значения в турецком языке; здесь должно было быть написано слово *didāri*. Слово персидского происхождения *dīdār* значит ‘лицо, облик’ [Develliođlu 2012, 208] и использовалось в старотурецком языке в формах *dīdār* и *dīzār*:

‘ayān oldı **karmıŝa** hađ **dirādi** / görmez oldı gözlerimüñ nazarı (ИЛ-412).

В словах очевидна метатеза (перестановка слогов). Правильную запись находим в *Мирадж-наме* СУ:

‘ayān oldı **karŝuma** hađ **dīzāri** / görmez oldı gözlerümüñ nazarı (СУ-401)
(Мне показалось лицо Аллаха / и свет моих очей погас).

В китабе Ивана Луцкевича встречаются и другие “проблемные” слова. В данной статье мы хотели привести лишь несколько примеров и показать, каким образом можно восстановить их значение и определить характер изменения.

Заключение

Объемный турецкий текст *Мирадж-наме*, содержащийся в некоторых *китабах*, представляет особый интерес для историков турецкого языка. Текст *Мирадж-наме* китаба Ивана Луцкевича является более ранним по сравнению с текстами *Мирадж-наме* в других рукописях литовских татар (Лондонском китабе, китабе А. Корицкого, китабе И. Хасаневича, китабе А. Хасаневича), поэтому он содержит меньше “темных” в орфографическом или лексическом отношении слов. Установить значение этих слов можно, сравнивая текст *Мирадж-наме* ИЛ с текстами *Мирадж-наме*, относящимися к периоду старотурецкого языка, особенно при обнаружении текстологической близости. Дополнительным источником установления оригинальных слов, как можно предполагать, является сравнение слов текста с подстрочным переводом на славянские языки.

Причины появления “темных” мест в турецком тексте *Мирадж-наме* китаба И. Луцкевича разные: это и недостаточное знание турецкого языка человека, записавшего *Мирадж-наме*, и изменение некоторых слов арабского, персидского и турецкого происхождения в разговорной речи литовских татар, отраженное в рукописях. Сопоставительные исследования *Мирадж-наме* в составе разных китабов могут дать специалистам — тюркологам и славистам интересные конкретные результаты.

ЛІТЕРАТУРА

- Мишкинене Г., Намавичюте С., Покровская Е., 2005: *Каталог арабскоалфавитных рукописей литовских татар*. Вильнюс.
- Мишкинене Г., 2009: *Китаб Ивана Луцкевича. Памятник народной культуры литовских татар*. Вильнюс, 478–592.
- Akar M., 1987: *Türk Edebiyatında Manzum Mi'râc-nâmeler*. Ankara: Kültür ve Turizm Bakanlığı Yayınları.
- Akiner S., 2009: *Religious Language of a Belarusian Tatar Kitab. A Cultural Monument of Islam in Europe*. With a Latin-Script Transliteration of the British Library Tatar Belarusian Kitab [OR 13020] on CD-ROM, Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
- Arık S., 2008: Polonya-Litvanya Tatar Türkleri (Lipkalar), *Modern Türklük Araştırmaları Dergisi*, vol. 5 (3), 156–161.
- Çelebi E., 1897: *Evliya Çelebi Seyahatnamesi*, 5. İstanbul: İkdâm Matbaası.
- Develi H., 1998: Eski Türkiye Türkçesi Devresine Ait Manzum Bir Miracnâme, *İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Türk Dili ve Edebiyatı Dergisi*, vol. 28, 81–229.
- Devellioğlu F., 2012: *Osmanlıca – Türkçe Ansiklopedik Lûgat*. Ankara: Aydın Kitabevi Yayınları.
- Duman M., 1997: İbrahim Bey'in Mi'râc-nâmesi, *İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Türk Dili ve Edebiyatı Dergisi*, vol. 27, 169–238.
- Mişkiniene G., 2011: Litvanya Tatarlarına Ait El Yazmalarında Bulunan Miraçname, *Hacettepe Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Dergisi*, 14, 225–239.
- Mişkiniene G., 2015: Tarihî Metinlerin Çevirisinde Karşılaşılan Zorluklara Litvanya Tatarlarına Ait Eserlerden Örnekler, *Türk Dünyası Kültür Araştırmaları Dergisi*, vol. 1, 35–53.
- Orhonlu C., 1971: Lipkalar, *Türkiyat Mecmuası*, vol. 16, 57–87.
- TDEA 1986 = *Türk Dili ve Edebiyatı Ansiklopedisi 6*, İstanbul: Dergah Yayınları.

HÜSEYİN DURGUT

**Several Problematic Words in the Turkish *Mirajname* Text
Found in the Kitab of Ivan Lutskevich**

Kitab manuscripts are one of the most important parts of the surviving fund of manuscripts of Lithuanian Tatars. Lithuanian Tatars lost their mother tongue for various reasons in 16th–17th centuries, but have preserved their faith and Tatar identity until nowadays. Languages, spoken by ethnic groups living alongside Tatars, replaced the Tatar language. Lithuanian Tatars felt the need for translations in order to fulfill their religious needs. This gave birth to the tradition of Lithuanian Tatar manuscripts, written in Slavic languages using Arabic script. These Arabo-graphic manuscripts preserved texts concerning such languages as Arabic, Chagatai Turkic, old Turkey Turkish, Belarussian and Polish.

In this study, several problematic words in the Turkish text of *Miracname* found in the *Kitab* of Ivan Lutskevich, were analysed. The author tried to compare these faulty words with their equivalents in *Mirajname* texts written in old Turkey Turkish and to show their correct versions.

Keywords: Lithuanian Tatars, *Kitab* of Ivan Lutskevich, manuscripts, *Mirajname*, old Turkey Turkish (old Anatolian Turkish period).

HÜSEYİN DURGUT

**Keletas probleminių žodžių turkiškoje *Miradžname*
versijoje Ivano Luckevičiaus kitabe**

Kitabai yra viena iš svarbesnių išlikusio Lietuvos totorių rankraštinio palikimo dalių. Lietuvos totoriai, dėl įvairių priežasčių praradę gimtąją kalbą dar XVI–XVII a., sugebėjo išsaugoti savo tikėjimą ir identitetą iki šių dienų. Kalbos, kuriomis kalbėjo kitos etninės grupės, greta kurių gyveno totoriai, užėmė totorių gimtosios kalbos vietą. Lietuvos totoriams, norint patenkinti savo religinius poreikius, reikėjo versti tekstus į jiems suprantamas kalbas. Taip atsirado Lietuvos totorių rankraštinė tradicija – rašoma slavų kalbomis, bet arabiškais rašmenimis. Šiuose arabiškais rašmenimis rašytuose rankraščiuose išliko tekstų arabų, čagatajų, senąja turkų, baltarusių ir lenkų kalbomis.

Straipsnyje analizuojama keletas probleminių žodžių, kurie buvo rasti I. Luckevičiaus kitabe. Autorius lygina šiuos klaidingai užrašytus žodžius su jų atitikmenimis kituose *Miradžname* tekstuose, kurie buvo parašyti senąja Turkijos turkų kalba, ir parodo jų teisingą versiją.

Reikšminiai žodžiai: Lietuvos totoriai, Ivano Luckevičiaus kitabas, rankraščiai, *Miradžname*, senoji Turkijos turkų kalba (senasis Anatolijos turkų periodas).

Поступило в редакцию: 12 июня 2015 г.

Принято к печати: 15 августа 2015 г.

Хусейин Дургут, доктор гуманитарных наук, ассистент профессора Балыкесирского университета.

Hüseyin Durgut, PhD (Humanities), Assist. prof at Balıkesir University.

Chusejin Durgut, humanitarinių mokslų daktaras, Balikesiro universiteto profesoriaus asistentas.

E-mail: hdurgut@balikesir.edu.tr

